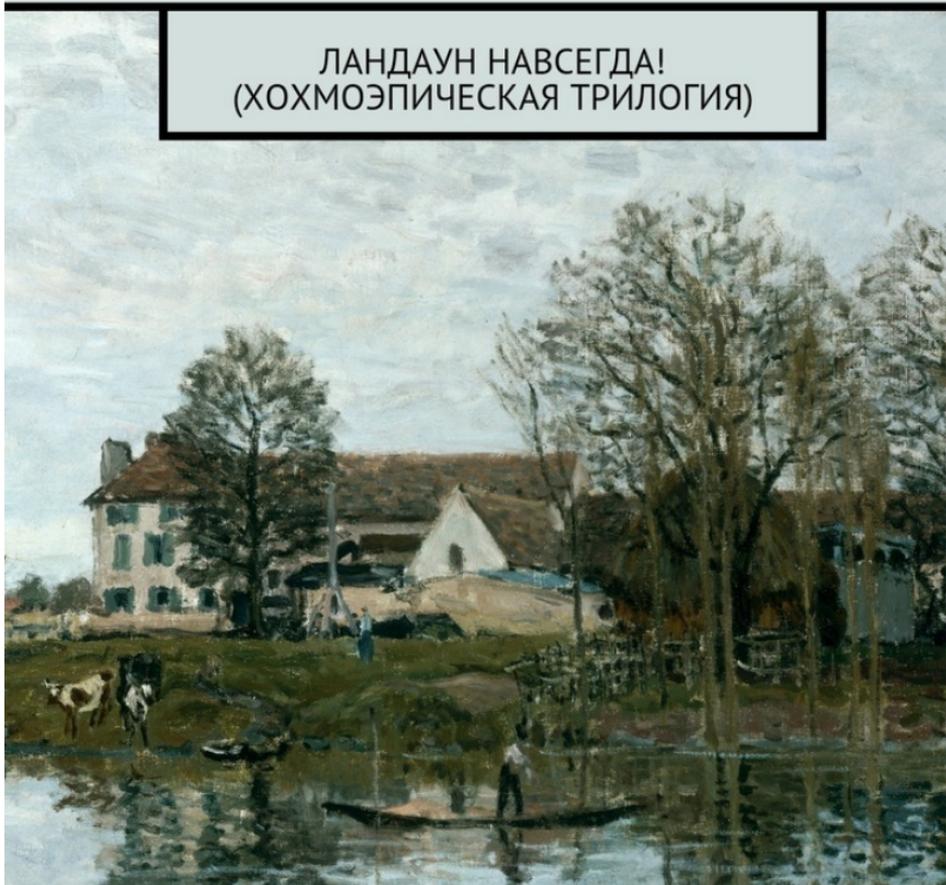

ВАЛЕРИЙ МИРОШНИКОВ

**Жизнь и смех вольного
философа Ландауна. Том 2**

ЛАНДАУН НАВСЕГДА!
(ХОХМОЭПИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ)

Валерий Мирошников
Жизнь и смех вольного
философа Ландауна.
Том 2. Ландаун навсегда!
(Хохмоэпическая трилогия)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19424901
ISBN 9785448302633

Аннотация

Род Ландаунов происходит из казаков, поэтому он всегда рубит правду-матку шашкой наголо и невзирая на лица. Есть у него и примесь еврейской крови, от евреев у него лысина и длинный язык. От коммунистов Ландауну достались ум, честь и совесть, от либералов – наивность и неприязнь к коммунистам, от татар – привычка ходить в гости без приглашения, от детей – вера в чудеса. Разумеется, при такой гремучей смеси в жилах он постоянно попадает во всякие истории...

Содержание

Вместо введения.	5
Часть 1-я	8
Душа толпы	8
По следу Конька-горбунка	16
Котел 1-й. Тело	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Жизнь и смех вольного
философа Ландауна. Том 2
Ландаун навсегда!
(Хохмоэпическая трилогия)**

Валерий Мирошников

© Валерий Мирошников, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо введения.

На месяц впереди эпохи

Бурная зима 2011—2012 гг. со «снежной революцией» и раскаленным докрасна противостоянием в Сети «всех против всех остальных» вызвала к жизни новый жанр, дерзкий и рискованный, решиться на который мог только такой вольный философ, как Ландаун. Этот жанр можно назвать «фантастикой ближнего боя», поскольку события сюжета разворачивались в ближайшие дни, недели, максимум – месяцы.

Совершенно безрассудное решение, вся глупость которого очевидна уже сейчас. Никогда путные пророки не пророчили события на ближайший месяц – это же каждый сможет дожить и проверить, а потом потерять уважение к пророку. Но Ландаун пошел на это, потому что стремился не столько предсказать, сколько воздействовать на будущее, создавая его образ неожиданными, яркими и привлекательными красками. Отвлечь внимание от уличной митингующей стихии и обратить его к конструктивной работе над собой и обществом в целом.

Беспокойство за судьбы страны заставило бросить в бой самые долго вынашиваемые вечные темы, буквально пожертвовав ими в угоду сиюминутной политике. Но и напряжение противостояния либералов и Интернет-ополче-

ния дало мощный импульс разработке самих тем в соответствии с латинским изречением *Necessitas auctum intellectum!* – «Необходимость обостряет разум!» Стремление успеть за событиями отбрасывало в сторону сомнения и комплексы – только вперед и с шашкой наголо. И это породило особый колорит, особую динамику повествования. Поэтому, считаю, обмен фигур оказался полезным, во всяком случае, дал свои плоды. Честно говоря, если бы не революция, я бы, наверно, и не осилил такие темы, как Дар вечной молодости и Аттестат человеческой зрелости.

И вот будущее пришло. Выборы состоялись, революция не совершилась. И уже через год никто о ней не вспомнит. Проигравшие – потому что не любят вспоминать поражения. Победители – потому что невелика честь в победе 140-миллионного народа над 50-тысячной тусовкой в норковых шубах. Значит ли это, что сиюминутная составляющая этого эпизода из жизни вольного философа Ландауна потеряла смысл? А вот и нет! Теперь она сама стала документом эпохи, впитавшим ее нерв и пульс. И вполне может так оказаться, что версия событий, изложенная в данной саге, когда-то войдет в учебники истории, в которых все равно из-за мифов и вымыслов давно не осталось места для настоящих фактов.

Но главное, конечно, в том, что сам метод конструирования ближайшего будущего показался мне захватывающе-интересным и, разумеется, будет иметь продолжение. Я еще не раз буду вот так формировать образ будущего и участия

в нем конкретных узнаваемых лиц. Если в склоне холма проскрести канавку хотя бы сучковатой палкой, вода канавку непременно размочит и превратит в большое русло. Так же и с моими героями. Если раз за разом я буду на их пути проводить канавку своей палкой, однажды они не смогут из нее выбраться. И история пойдет истинным путем.

Часть 1-я

*

Дар вечной молодости

Душа толпы

Ландаун строил с дочкой Матреной снежный домик иглу.

– Какая удивительная конструкция! – восхищалась Матрена. – Кто ее придумал?

– Эскимосы, – сообщил Ландаун. – Ум северян, вообще, очень изобретателен и изворотлив. Они живут в весьма трудных условиях, и им приходится приспособливаться, чтобы выжить.

– А есть кто-нибудь, кто живет севернее северян? – спросила Матрена.

– Раньше были. Была такая удивительная страна – Гиперборея. Она находилась на Северном полюсе.

– Вот уж они, наверно, были такие изворотливые!

Ландаун рассмеялся:

– Это точно. Для обогрева своего острова они создали внутри него искусственное море, которое подогревалось теплом магматических слоев Земли.

– Ну, хитры.

Эту увлекательную беседу прервало появление Михалыча – очень древнего, полностью седого деда, который обустроился через два участка от Ландаунов. Занимался он пчелками и козами, из поместья выходил редко, но порой к нему приезжали очень экзотические личности – индусы, тибетцы, африканцы. Станным образом, не имея сотового телефона и других благ коммуникации, он всегда знал об их появлении и встречал на границе поселения. Ландаун несколько ревниво относился к Михалычу, который на собраниях поселения не раз высказывал суждения более общие, чем наш вольный философ, и более удобные всем. И даже когда Михалыч молчал, его молчание было весомей многословных речей. В его присутствии известные демагоги не могли связать двух слов, зато молчуны обретали дар речи и выдавали такие идеи, что все диву давались. Впрочем, Михалыч не гнался за славой и властью, был занят своими козами, и, вообще, говорил только, когда его спрашивали. Ландаунам, кстати, он благоволил и, бывало, приносил молоко или мед, денег не брал, но с удовольствием принимал помощь по хозяйству.

– Балуешься тут с детишками! – проворчал Михалыч. – А в стране у тебя что творится!

– А что творится? – удивился Ландаун.

– Телевизор-то включи! – сказал Михалыч, который телевизора на дух не переносил. – Революция в Москве. Толпы народу на площадях.

– Витрины бьют?

– Не-а. Пока мирно стоят, только белые ленточки нацепили. Но лиха беда начало.

Ландаун отправил упиравшуюся Матрену читать книжку, а сам уселся за компьютер, качая с YouTube записи послевыборных митингов оппозиции. Он слушал возбужденные, хоть и малосвязные, речи ораторов. Видел сияющие глаза школьников, для которых это было все в первый раз и уж куда круче, чем первый бал Наташи Ростовской. Они же не знали, что 20 лет назад их родители также «хотели перемен» гораздо больше, чем уроков в школе. Но школа жизни их настигла и заставила выучить пропущенный материал, пропустив через мясорубку чеченских и бандитских войн, проведя обезжиривание приватизацией, стерилизацию проституцией и порнографией, консервацию в вечном хаосе рынка. Как и положено философу, Ландаун видел шире, чем позволяли обрезанные края телевизионного кадра. Не в том дело, что, оставаясь невидимым, режиссер умело руководил солистами и массовой, предусмотрительно ввел в аудиторию подсадных уток, а неизбежные огрехи убирал монтажом. Сама частотная характеристика видеокамеры не давала ей видеть, как в СВЧ-диапазоне излучения людей сливались и образовывали некую обобщенную и упрощенную душу толпы. Кто-то из составляющих толпы любил женщин, а кто-то мужчин, кто-то Навального, а кто-то себя, но арифметически-усредненная толпа не любила никого – ни стариков, ни детей,

ни кошек, ни собак, ни коммунистов. Иные из собравшихся идеализировали Запад, а другие смотрели на Восток. Толпа была здесь и сейчас, она не имела исторической памяти, географических и политических пристрастий, а жила своей, очень простой, абсурдно простой жизнью. Она должна была расти, это было все, что она умела. Она не умела рассуждать, строить, творить, лелеять, она умела только раздуваться, как воздушный шарик, пока не встретит острие. И это острие готовилось для нее, речи ораторов становились все более дерзкими, застоявшиеся ноги требовали движения, белые ленточки были отличной мишенью, которая легко окрашивается в красный цвет.

– Что это у них за женские прокладки на груди? – вывел Ландауна из задумчивости голос жены. – Это митинг феминисток?

«Революция женских прокладок!» – хмыкнул про себя Ландаун и ответил Гюльчетай:

– Это не прокладки. Это белый флаг. Они сдаются в плен блоку феминисток и гомосексуалистов под названием НАТО.

«Раньше была поговорка, – успел подумать Ландаун. – Если ты можешь изменить жене, то можешь изменить Родине! Теперь дело круче. Если тебе женщина способна запудрить мозги и вить из тебя веревки, тем паче профессионалы забугорных голосов и блогов сломают твою волю с помощью нейро-лингвистического программирования и пошлют

тебя на митинг и разрушение собственной страны. Революция женских прокладок – надо же так точно попасть в суть! Ну, Гюльчетай!»

– Лариска приехала! – радостно проворковала Гюльчетай, уже забыв о митинге и НАТО. – Мы посидим с ней на кухне! Поболтаем!

– Какая Лариска? – не понял Ландаун. – При чем тут Лариска?

– Ну, уж не притворяйся, что Лариску не помнишь. Ты ей еще в университете стихи писал.

– Какие стихи?

– Здравсьте! Даже я помню! – и она продекламировала:

*Кто остренький носик сует не туда и не так?
Для каждой Лариски найдется своя Шапокляк!*

– Стихи! – проворчал Ландаун. – Вообще-то это называется эпиграмма! – И вдруг спохватился. – А ты-то откуда это знаешь? Ты же на три года позже училась!

– А вот знаю! – загадочно повела бровью жена.

– Ну, иди болтай, как хотела. Или мне надо выйти поздороваться?

– Сиди! Я сказала, что ты в задумчивости! – Гюльчетай поцеловала его в лоб и упорхнула.

«Уже за сорок, трое детей, а вот – порхает!» – удовлетворенно заметил Ландаун и вернулся в революцию.

Толпа живет сегодняшним днем, нет никакого проку напоминать ей, что еще 9 месяцев назад вице-президент наших геополитических противников Джо Б. пообещал устроить революцию в России, если Мировлад Нитуп снова выдвинет свою кандидатуру в президенты. Для толпы, рожденной день назад, 9 месяцев – доисторический срок. Она даже не поймет, в чем связь между сегодняшним весельем и давно забытой болтологией. Как только что рожденный ребенок не помнит миг своего зачатия. И даже намеки, что сайт революции www.belayalenta.com зарегистрирован за два месяца до выборов, что весь этот спектакль планировался заранее, – этого толпа тоже не воспримет. Не поймет толпа и того, что ее действия странным образом играют на руку недругам, которые стремятся не допустить возрождения мощной державы, создания Таможенного и Евразийского союзов. Для толпы это слишком длинная логическая цепочка. Она мыслит лозунгами, доходящими до междометий. «Мы за Евразийский союз!» – воскликнет толпа и пойдет разваливать Россию. «Мы всего лишь за честные выборы!» – будет твердить толпа. А честные выборы – это те, которые Вашингтон и Лондон признают честными, о чем объявят на «Эхе (почему-то) Москвы».

– А Андрюшка-то Левинсон где? И что, у вас так ничего и не получилось? – раздавалось на кухне.

«О Боже! Помоги советом! Что... что я могу сделать, чтобы не допустить в России революции, хаоса и разрухи?» –

воззвал Ландаун.

«Сын мой! Вот что надо сделать...» – ответил Бог, но его слова заглушил взрыв смеха на кухне:

– Так и сказала? Ну, ты даешь!

Ландаун впервые попал в такое двусмысленное положение: с одной стороны Бог ему ответил и теперь, видимо, ждал каких-то действий с его стороны, но он так ничего и не понял.

«Извини, Отец! Я не расслышал. Повтори, если не трудно!»

«Мне не трудно, сын мой! Я сказал...» – на этот раз слова Творца заглушил плач навзрыд.

– Никогда себе этого не прощу!

Ландаун схватился за голову и выскочил из дверей:

– Гюльчетай! Здравствуй, Лариса! Гюльчетай, ты мне не даешь поговорить с... – он показал глазами наверх.

– Это он с Богом говорит! Не обращай внимания! – сказала Гюльчетай Ларисе, слезы которой уже чудесным образом просохли и даже не повредили косметику.

– Как это «не обращай внимания»?! – вскипел Ландаун. – Он мне дважды говорил, что надо сделать, чтобы не допустить революции, я не разобрал ни слова!

– Успокойся! Я все разобрала! – мягко ответила жена.

– Да? Ну, говори!

– Он сказал, что если ты поможешь Ларисе найти мужа и построить свою любовь, то революции не будет!

– И как одно с другим связано?

– Вообще-то все люди, а женщины в особенности, хотят на самом деле не свободных выборов и не контроля над избирательными комиссиями, а счастья, – пояснила Гюльчетай.

– Продолжай! – заинтересовался Ландаун.

– Если они найдут свое счастье, то забудут про революцию и, вообще, про все на свете забудут.

– Ладно! А мужчины?

– Так мужчины и будут их счастьем!

– Ты, в самом деле, так и сказал? – обратился Ландаун
наверх.

«Истинно так, сын мой!»

– Да будет воля Твоя! – принял свою миссию Ландаун и обратился к Ларисе. – Но тебе придется слушаться меня во всем.

– Как тибетского гуру?! – обрадовалась Лариса. – Ты даже можешь при надобности бить меня палкой!

– Палкой – это чересчур! – почесал затылок Ландаун. Вскоре он пожалеет, что отказался от этого действенного средства.

С какой стороны взяться за дело, он не понимал совершенно, но от него зависела судьба страны.

По следу Конька-горбунка

Первым делом Ландаун отобрал у Ларисы паспорт и деньги

– Это еще зачем? – удивилась Лариса.

Ландаун произнес длинную и путаную лекцию о том, что документы и деньги несут негативную энергетику привязки к системе. Короче, от них все несчастья. Это было не совсем правда, но интуиция подсказывала философу, что работа с женщинами всегда таит немало неожиданных поворотов. Он просто не мог рисковать будущим России. И хорошо еще, что Лариса не заметила, как он спрятал в печке ее сапоги.

Ландаун несколько рассеянно выслушал исповедь Ларисы о двух ее замужествах. О том, что первый муж пропал без вести в Чечне, а второй не понимал ее душевных стремлений, весь сосредоточившись на неудачах в бизнесе. И однажды она ушла в другую жизнь, без скандалов и объяснений, просто закрыв за собой дверь и забрав двух дочек от обоих браков. Муж не стремился ее вернуть и не навещал дочку. Жила она с дочками по-разному, как и вся страна, но, в общем, дружно, а недавно старшая дочь родила внучку, но с отцом своего ребенка так и не осталась – так что народу в этом импровизированном женском монастыре прибавилось.

– Толи это у нас родовая карма? – в задумчивости сказала

Лариса. – И мама моя с отцом развелась, и я двух мужей потеряла, и дочери мои теперь с парнями общего языка найти не могут.

– Нет тут никакой родовой кармы, – Ландаун демонстративно грубо снес психологический блок. А затем то же самое, что Лариса, сказал обычными русскими словами, включающими понимание и сопереживание. – Вы просто очень давно живете одни, без мужчин. Отвыкли.

Заинтересовала его история с сайтом знакомств, на котором все мужчины врут женщинам и в жизни совсем не похожи на тех, за кого себя выдают.

– А ты в анкете настоящий возраст указала? – спросил Ландаун Ларису.

– Ну... уменьшила на 5 лет. Какое это имеет значение?

– Да никакого! – согласился Ландаун, и вдруг его озарило. – Это же самое важное!

– Да? – удивилась Лариса.

– Ты не там ищешь! – пояснил Ландаун. – Какой ты указала желаемый возраст партнера?

– От 45 до 60.

– А теперь сама подумай! Если мужик дожил до пятого десятка и не женился – он просто не приспособлен к семейной жизни, он не умеет строить отношения с женщинами, у него нет ценности семьи, дома. Он привык быть один.

– Наверно! – сокрушенно вздохнула Лариса. – И что же делать?

– Найти себе молодого, свободного, красивого. Лет 30-ти.

– Галкина у Пугачевой отбить? – рассердилась Лариса. –

Я же тебе серьезно поверила, что ты поможешь, а ты здесь демагогией занимаешься! Ну, кому я нужна из молодых? Им что, девчонок мало? Да их как собак! Вон полный автобус по утрам едет! И потом, если он молодой, семью хочет, ему же ребенка надо родить. А я что? У меня один день – климакс, другой – менопауза!

Лариса вскочила, чтобы навсегда исчезнуть из этого сумасшедшего дома, Ландаун сделал попытку схватить ее за руку, уцепился за сумочку, протащился за ней метра два и уткнулся носом в ковер. Сумочка осталась у него в руках, а Лариса лихорадочно схватила шубку и бросилась к двери, но без сапогов выбежать на снег и мороз не решилась и тихонько заскулила, прислонившись к косяку.

– Довел женщину! – в сердцах воскликнула Гюльчатай, появившись со двора с собачьей кастрюлькой.

Она пыталась успокоить Ларису, а Ландаун оправдывался, что так и должно было быть, что надо было снять психо-семантические блоки и родоклановые заклятья, а закончил неожиданно:

– А вообще-то человеку Богом дан Дар вечной молодости! Но поскольку люди об этом давно забыли, то называют его Секретом вечной юности!

Женщины прекратили коллективную истерику и устали на Ландауна.

Ландаун сказал, твердо глядя в глаза Ларисе:

– У тебя будет преимущество перед всеми молодыми. Они просто молоды, а у тебя, кроме молодого тела, будет еще мудрость и жизненный опыт. А еще ты сможешь поделиться Секретом вечной молодости с мужем, и вы будете счастливы вечно!

– И ты знаешь этот секрет? – спросила Гюльчетай.

– Конечно! – загадочно улыбнулся Ландаун, хотя ничего он не знал, но таков был его творческий метод – сначала надо пообещать, а потом уж сделаешь – деваться некуда.

Водрузив Ларису обратно на диван, он начал развивать мысль хоть не с Адама и Евы, но со времен древней Гипербореи:

– Про гиперборейцев известно, что они не трудились, а проводили время в празднествах и служении богам. Что они жили, пока им жизнь не приедалось, а еще умели летать!

Ландаун на всякий случай сделал движение рукой, чтобы перехватить Ларису, если она вновь попытается сбежать, но женщина слушала внимательно и даже прокомментировала:

– Ну, если не трудиться, тогда можно долго жить!

Успокоенный, Ландаун продолжил:

– Когда гиперборейцу надоедала жизнь, он бросался с обрыва в море, окружавшее их остров. Но это, конечно, лишь неправильно понятая метафора. На самом деле уставший от жизни гипербореец растворялся в окружающем нас океа-

не информации. Вода – это символ информации.

– Как Иисус вознесся на небо? – спросила Лариса.

– Э-э. Возможно. Все сказки, которые повествуют о молодильных яблочках, живой и мертвой воде, преобразении дурачка в царевича в ухе Сивки-бурки и тому подобном – имеют гиперборейскую основу. Поэтому начнем...

– С Конька-горбунка! – подсказала Лариса.

Ландаун раскрыл первоисточник:

*Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй – водой варёной,
А последний – молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, —
Ты без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
А потом ещё в студёной,
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»*

Когда Ландаун закончил декламацию, Лариса спросила с восторгом и ужасом одновременно:

– Ты заставишь меня искупаться в молоке голой на людской площади?

– Не сейчас, – ответил Ландаун. – Как настоящий ученый, я хотел поставить опыт на себе. Но тут вспомнил своего тестя.

– А что тесть?

– Он уже провел такой опыт – как-то в бане обварил весь бок, так у него кожа слезла, а потом сменилась молодой, розовой, как у младенца!

– Шпарить будешь? – мрачно сказала Лариса.

– Я лишь хотел обратить твое внимание, что омоложение возможно и достижимо. Впрочем, использовать контрастный душ ты начнешь уже сегодня. Сначала обливайся водой горячей, насколько сможешь терпеть, потом холодной – и так несколько раз, расширяя диапазон переносимой температуры и улучшая состояние поверхностной кровеносной системы.

– Что-то такое я уже слышала или читала! – задумалась Лариса. – Да, это у Голтиса было. Он натренировал свое тело так, что оно выносило совершенный кипяток и совершенно ледяную воду.

– Этот Голтис, видимо, толковый парень. Ты мне о нем расскажешь.

– Но чтобы тело стало таким выносливым, надо есть на-

стоящую пищу, – припомнила Лариса. – А не мертвую пищу из супермаркета.

– Тоже верно! К счастью, у нас в поместье пища живая, своя. Ты продолжай вспоминать, а пока важно вот что. Три котла Конька-горбунка – это, с одной стороны, реальные котлы, с которых начала развиваться банная традиция, но с другой стороны – это метафора, символ. Котел со студеной водой символизирует физическое тело, которое надо очистить. Котел с вареной водой – душу, сферу информации, а также эмоций и чувств, которые суть концентрированная, свернутая информация. Они также нуждаются в очистке. Котел с молоком содержит ключ ко всему – это наш дух, наше намерение, наше творческая суть, искра Божия. И все они должны быть приведены в состояние первоисточков.

– И с чего начнем?

– С простого! – улыбнулся Ландаун.

– Папа, а достроить иглу – это простое? – невесть откуда возникла Матрена.

– Чуть позже, дочка, что-то я выпал из архитектурного творчества.

– Так и зима пройдет! – вздохнула Матрена.

– Не пройдет! – успокоил ее отец. – Обязательно успеем!

– А какой Ландаун ларискины сапоги в печку поставил? – с кухни появилась Гюльчетай с двумя обгоревшими голенищами от Армани.

– Я вот... как бы это... – замялся вольный философ.

– Будем считать, что это сгорела моя лягушачья шкурка! – философски отметила Лариса.

Котел 1-й. Тело

С утра Ландаун отправился колоть дрова, а Лариса их носила и складывала в поленницу. Бросаясь с колуном на кряжи, Ландаун представлял их эгрегором толпы на революционной площади, поэтому щепки летели во все стороны, как после взрыва гранаты Ф-1. Угнаться за разошедшимся хозяином было нелегко, поэтому Лариса носилась бегом, лицо ее на морозе покраснелось, а глаза от азарта сияли. Время от времени для передышки Ландаун ставил колун на пенек, поднимал вверх указательный палец правой руки, и в этой позе к нему автоматически приходила очередная мудрость:

– Чтобы понять некоторые истины, нужно вдохновение, нужна радость жизни. А откуда берется в организме радость?

– От свежего воздуха! – выпалила запыхавшаяся Лариса.

– Ну, конечно, конечно. Если не давать телу свежего воздуха, чистой воды, полезной пищи, то в организм чахнет и никакую радость испытывать не способен. Но в дополнение ко всему есть научный факт: при работе крупных мышц тела выделяются гормоны удовольствия...

– Эндорфины, – закончила мысль Лариса.

– Ты все знаешь лучше меня! – улыбнулся Ландаун. – Когда мы закончим наше исследование, ты скажешь: «Я же всегда это знала!»

В это время опять появился Михалыч и свесил свою бо-

роду через зеленую изгородь, что твой Конек-горбунок:

– Здравствуй, сосед! Как продвигается твой эксперимент?

– А что уже всем все известно? – удивился Ландаун и обратился к Ларисе. – Проболталась?

– На Лариску не грехи! – сказал Михалыч, хотя их никто не представлял друг другу. – Там за вами следят. – Он поднял глаза к небу. – И волнуются.

– Могли бы и подсказать, – вздохнул Ландаун.

– Подскажут! – подбодрил исследователей Михалыч. – А насчет этих р-революционеров. Эх, в мое время их бы посадили на гауптвахту суток на 20 – и все бы белые ленточки с них осыпались.

Михалыч ушел, а Ландауна осенило:

– Гауптвахта! Лариса, я хочу рассказать тебе одну историю.

В молодости я служил в армии в монгольском городе Улан-Баторе. Кстати, мой сын сейчас служит в Бурятии буквально в 200 км от того места, где служил я. Что-то, видимо, связано у нас в роду с этими местами. Но дело не в этом. Кто-то приходит в армию служить Родине, а кто-то в армии убивает время до дембеля. Ну и с такими, конечно, происходят разные истории, за которые командиры наказывают их гауптвахтой от 3 до 28 суток. И на что я обратил внимание – эти штрафники приходят с губы... помолодевшими. Им и так всего по 20, а выглядят на 15—16, не больше. Что такое гауптвахта? Весь день строевая, весь день на морозе,

на еду дают 15 секунд, спят без одеял – короче, по-всякому над контингентом издеваются, чтобы баловать неповадно было. Но результат говорит за себя. Никакой санаторий не дает такого оздоровительного эффекта. Кто-то, конечно, и пальцы отморозит, и с губы прямо в санчасть, но это уже издержки производства. Поэтому...

Ландаун выразительно посмотрел на Ларису. Та запаниковала:

– Ты хочешь отправить меня на гауптвахту? – и ее глаза расширились до немыслимых мультяшных пределов.

– Тебя не возьмут, ты же не военнообязанная, – вздохнул Ландаун, сожалея, что такое простое решение оказывается таким недоступным. – Но мы можем понять механизм и воспроизвести его в домашних условиях.

– Давай пойдем! – Лариса облизнула пересохшие губы.

– Чем отличается молодость от старости? Когда ребенок только родился, все его клетки молодые, им не больше 9 месяцев. Когда человек вырос – баланс клеток смещается в сторону более возрастных. И в старости у него уже больше старых клеток – больных, зашлакованных, ослабленных. Гауптвахта – это стресс. Стресс в целом для организма переносимый, но для отдельных клеток он смертелен. И погибают, в первую очередь, старые и больные клетки. Баланс смещается в сторону молодых и сильных. Значит, задача в том, чтобы устроить организму такой стресс.

– Баню! – воскликнула Лариса.

– Например, баню, – согласился Ландаун. – И нашим предкам хватало банной процедуры, чтобы жить по 300 лет и более. Вон Михалыч рассказывал, что еще при Петре I специальные отряды отлавливали и уничтожали 300-летних стариков, чтобы те не рассказывали молодежи, как жилось в старое время. Но тогда люди жили в других условиях, в другой экологии, в другом ритме. Сейчас одной бани уже не хватает для достижения вечной молодости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.